

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
13 (76)

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 5

ХАРИДЖИТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ВОССТАНИЕ ШИИТОВ В МАГРИБЕ

Развивавшееся в Магрибе примерно с начала VIII до X в. включительно хариджитское движение¹ тесно переплелось в конце IX и первой половине X в. с шиитским восстанием, завершившимся в 909 г. основанием Фатимидской династии. Каждое из этих двух форм движения, разумеется, нуждается в особом исследовании. Тем более это относится к хариджизму ввиду особой скудости материалов о нем. Но шиитское восстание так непосредственно вклинивается в хариджитское движение, что исследование последнего и оценка его невозможны без внимательного рассмотрения хотя бы некоторых особенностей истории основания Фатимидской династии.

Центром шиитского восстания стал север Ифрйкии. В плодородной долине реки Меджерды и следующих за ней к западу долинах и горах современной Малой Кабилии жили многочисленные сенхаджа, в частности группы и ветви племени кутāма.² Исстари, еще до арабов, наступление завоевателей на этот район развивалось с востока (Карфагена, Сирта, а затем Кайруана), поэтому основным форпостом названных племен стал район Сатфура, образуемый треугольником городов Баджа, Бизерта и Табарка.³

В этом районе произошло первое столкновение местных племен с завоевателями-арабами. Когда полководец и правитель Ифрйкии Хассан ибн ан-Нуман взял Карфаген и вынудил его жителей (византийцев) бежать за море, то город попытались занять окрестные племена сенхаджа (688/9). Опасаясь, видимо, влияния Константинополя через Карфаген, Хассан спустя год снова овладел им. Племена тогда объединились с остатками византийцев, живших по соседству, и Сатфура стала ареной боев между ними и Хассаном. Последний вышел победителем,

---

¹ См.: М. Чураков. Хариджитские восстания в Магрибе. Палест. сборник, вып. 7, М.—Л., 1962, стр. 125 сл.

² Ибн Халдун. Та'рих ад-дувал ал-исламийа би-л-Магриб (арабск. текст), т. I. Ажир, 1847—1851 (в дальнейшем: Ибн Халдун), стр. 188; франц. перевод: De Slane. Histoire des Berbères, t. I. Alger, 1852—1856, pp. 291—292.

³ Северо-восток современного Туниса.

византийцы бежали в город Баджа, берберы вернулись в область Бона.⁴

В упорных боях за Карфаген и в стремлении овладеть им следует видеть назревшую потребность местных племен к объединению вокруг единого центра. В свою очередь это вызывалось развитием экономики, меновых связей долины реки Меджерды, в устье которой находился город Карфаген. Богатство соседних горных районов Телла,⁵ высокая урожайность полей и садов Баджи, обильно орошенных ручьями (все они впадали в приток Меджерды), которая справедливо называлась „житницей Ифрйкии“,⁶ как и торговые сношения в Средиземноморье, способствовали хозяйственному развитию области.

Таким образом, всякое предположение о стремлении берберов к захвату Карфагена только ради добычи мы должны отвести, тем более что город перед тем был уже во власти другой занявшей его армии — арабской. В действительности борьба была вызвана стремлением племен сенхаджа вырваться из узкого круга локальных связей на широкую дорогу объединения. Их попытка была неудачна, но она аналогична попытке племен севера Ифрйкии, наложившей глубокий отпечаток на историю Магриба.

Разрушение Карфагена Хассаном в экономическом отношении не ослабило Магриб. Оно компенсировалось развитием соседнего Туниса, в котором Хассан, а затем другие арабские правители построили верфь и порт.⁷ Вместе с тем острота политического положения в этом районе усугубилась ввиду того, что Тунис и его порт потребовали участия соседних племен, вынужденных поставлять для верфи людей, продовольствие, лес и другие материалы для оснастки судов.

После обоснования правителей халифата в Кайруане племена сенхаджа сталкивались с завоевателями у Баджи, а также в Забе, у северного склона Аураса (Багайя), на большой дороге из Кайруана в Марокко. Это нашло отражение в сообщении о покорении кутамитов преемником Хассана — Мусой ибн Нусейром; он принудил их, очевидно часть только, признать утвержденного им вождя и дать заложников.⁸ Для укрепления Туниса в нем был размещен гарнизон (джунд). Но вместе с тем город стал ареной нескончаемых мятежей верхов джунда, часто искав-

⁴ Ибн 'Из'арй. Ал-байан ал-мугриб фи ахбар ал-Магриб (арабск. текст), т. I. Бейрут, 1950 (в дальнейшем: Ибн 'Из'арй), стр. 24—25; франц. перевод: E. Fagnan. Histoire de l'Afrique. Alger, 1901, pp. 24—25.

⁵ Телл — зона возвышенностей, тянувшихся вдоль средиземноморского побережья Магриба.

⁶ Ал-Бекри. Китаб ал-Магриб. . . мин аджа'и' ал-китаб ал-ма'руф би-л-Ма-салик ва-л-мамалик (арабск. текст). Париж, 1911 (в дальнейшем: Ал-Бекри), стр. 56; франц. перевод: De Slane. Description de l'Afrique Septentrionale. Alger, 1913, pp. 119—120.

⁷ Там же, стр. 37; франц. перевод, стр. 83—84.

⁸ Ибн 'Из'арй, стр. 34; франц. перевод, стр. 33—34.

ших в случае поражения убежища в Бадже, у племен кутāма. Так было и при распрах фикритов, захвативших власть в Кайруане в 745—757 гг.⁹ Баджа тем самым неизменно вовлекалась в борьбу.

С распространением хариджизма-ибадизма в Магрибе Баджа стала одним из его очагов и проводником его влияния в глубь севера Ифрйкьи. О боевой активности этого очага упоминалось неоднократно: в 745 г. вожди повстанцев Баджи Сабит ас-Сенхаджй и Абдаллах ибн Сакердйд организовали здесь сопротивление фикриту 'Абд ар-Рахмāну ибн Хāбийбу;¹⁰ среди 12 военных групп, объединившихся против правителя Кайруана в 770 г., одна возглавлялась 'Абд ал-Маликом ибн Сакердйдом;¹¹ после отступления ибадитов из Кайруана в 772 г. сын правителя Йāзйда был разбит при атаке Баджи;¹² когда власть над Ифрйкйей перешла с начала IX в. к эмирам Аглабидам, ибадиты Баджи выступили против них во главе с Нусайром ибн Сāлихом.¹³ Сопротивление местных племен гнету халифата до IX в. было значительным. Проникновение хариджизма в глубь севера Ифрйкьи может быть отмечено тем, что во времена ибадитского имама Тāхерта, 'Абд ал-Ваххāба (784—823), одним из четырех самых выдающихся богословов-ибадитов был кутāмит.¹⁴

Затем в течение IX в., когда в Кайруане правили суннитские эмиры Аглабиды, Баджа была пограничным пунктом, определявшим территориальные пределы распространения владычества последних на северо-запад Ифрйкьи. Знаменем, под которым боролись здесь пограничные племена против Аглабидов, оставался ибадизм, общепризнанным имамом которого считался глава Тāхерта. О попытках имама ибадитов Тāхерта открыто помочь своим единоверцам в долине Меджерды нет известий. Однако объективно Тāхерт побуждал их к борьбе против Аглабидов

⁹ Там же, стр. 79, 87; франц. перевод, стр. 76, 84—85.

¹⁰ Ибн ал-Асйр. Китаб ал-кāмил фй ат-та'рйх (арабск. текст), т. V. Лейден, 1851—1871 (в дальнейшем: Ибн ал-Асйр), стр. 236; Ибн Хāлдун, стр. 138; франц. перевод, стр. 218—219; Ибн 'Изāрй, стр. 66; франц. перевод, стр. 63—64.

¹¹ Ибн 'Изāрй, стр. 88; франц. перевод, стр. 85.

¹² Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 460; т. VI, стр. 5, 6, 75.

¹³ Ибн Хāлдун, стр. 141; франц. перевод, стр. 224. Династия Аглабидов правила в Кайруане с 800 до 909 г. Упоминаемый далее имамат ибадитов Тāхерта, возглавленный династией Рустумйдов, правил почти всеми южными областями Алжира, Туниса и Триполитании с 776 до 909 г.

¹⁴ Абу Закарийā Йāхйā. Китаб ас-сийар ва-ахбār ал-а'имма. Рукопись № 1085-II Научной библиотеки Львовск. гос. унив. им. И. Франко (коллекция Э. Смогоржевского) (в дальнейшем: Абу Закарийā), л. 15а. Эта рукопись (А) имеет 63 листа по 25 строк в каждой странице и включает первую, самую главную часть названной хроники. Приведенные по ней в настоящей статье факты и цитаты проверены нами по двум другим спискам того же фонда: №№ 1054-1 (Б) и 1055-1 (В). Последние два списка представляют: Б — полную рукопись I и II частей хроники на 111 листах по 19—20 строк в странице; В — неполную фоторепродукцию обеих частей хроники на 33 снимках, воспроизводящих 131 страницу по 23—24 строки в каждой и имеющих некоторые дефекты. В томах 104 и 105 журнала „Revue Africaine“ (1960 и 1961) хроника опубликована в переводе R. Le Tourneau и H. Idris полностью, но без текста.

в течение первой половины IX в., когда активно соперничал с последними и отвлекал силы этого общего противника на юг, к своим границам.¹⁵ Положение кутамитов резко ухудшилось со второй половины, а особенно в конце IX в. Все более и более клонившийся к упадку Тāхерт увяз в конфликтах между разными слоями населения, в расприх между претендентами на трон имамата. По-видимому, правившая Тāхертом династия Рустумидов не остановилась тогда перед сговором с Аббасидами и в соответствии с соглашением отказалась от сопротивления агрессии Аглабидов против окраин Тāхерта.¹⁶

Развязав себе руки на юге, Аглабиды усилили давление на север Ифрикии. В 882 г., предварительно задоблив шейхов Зāба, примыкающего с юга к землям кутамитов,¹⁷ Аглабиды захватили многих из них и коварно с ними расправились.¹⁸ Обеспечив таким путем свой тыл на подступах к долине Меджерды, они взяли под контроль все укрепленные города, полукругом опоясывающие земли сенхаджитов, кутамитов. Вслед за городом Бādжа, занятым ими несколько ранее, Аглабиды укрепились (с востока на запад) в Лāрибусе, Багāйе, Билизме, Сетйфе, Мйле. Эти крепости частично вклинивались во владения кутамитов и использовались Аглабидами для проникновения к ним, для предварительного разложения племен и обеспечения затем покорности их. Как увидим, отдельные группы знати кутāма действительно пытались сговориться с главами, правителями этих крепостей.¹⁹

Однако народ и значительная часть знати не хотели здесь мириться с угрожавшим им гнетом Аглабидов. По режиму в занятых последними областях, соседних с непокоренными землями кутамитов, племена хорошо знали, что этот гнет становился все более тягостным. Все мероприятия Аглабидов приводили к росту поборов, повинностей. Многочисленные стройки крепостей, дворцов, резервуаров для снабжения их водой, для орошения поместий Аглабидов и их вассалов обращались для племенных масс в тяжелое бремя повинностей. Изоляция эмиров Аглабидов в своих новых резиденциях-дворцах, формирование гвардии из негров-рабов, „порча монеты“, присвоение окружением эмиров доли садақи,

¹⁵ Мы не касаемся проникновения ибадизма в область, соответствующую границам современного Туниса, ибо этот вопрос детально и с большим знанием источников освещен в специальной работе польского востоковеда Т. Левицкого (T. Lewicki. Les Ibadites en Tunisie au moyen âge. Roma, 1958).

¹⁶ Этот вопрос требует специального исследования. Сошлемся пока на наиболее подробную и достоверную хронику Ибн ас-Сегйра, затрагивающую эту проблему; А. Мотылинский (A. de C. Motylinski) опубликовал текст с переводом хроники в „Actes de XIV Congrès International des Orientalistes“, р. III, Paris, 1908 (см. стр. 32, сл., франц. перевод, стр. 93 сл.) (в дальнейшем: Ибн ас-Сегйр).

¹⁷ Некоторые авторы относят к Зāбу южные окраины земель кутамитов (Багāйа и др.).

¹⁸ Ибн ал - Асйр, т. VII, стр. 258.

¹⁹ F. Dachraoui. Contribution à l'histoire des Fatimides en Ifriqiya. Arabica, t. VIII, 1961 (в дальнейшем: Dachraoui), p. 200.

предназначенной, по Корану, для бедных,²⁰ — все это свидетельствовало о глубоком разложении эмирата, о тяжелом гнете. Хроника приводит характерную оценку одного из этих годов (901/2): „Ему дают три названия: год справедливости, год притеснения (так называет его масса), год созвездия (плеяды)“.²¹ Эта оценка может служить иллюстрацией отношений двух основных классов эмирата Аглабидов: эксплуатируемых масс и феодальных верхов с зависящими от последних учеными, астрологами, искавшими такое объяснение народным бедствиям, которое исключает активное вмешательство человека и устранение их.

Эти „справедливые годы“ правления Аглабидов выглядели особенно мрачно в свете патриархальных традиций племен, значительно вуалировавших расслоение в них. По имеющимся свидетельствам, в независимых племенах кутамитов власть, кроме вождей, осуществляли, видимо, не везде, 'улемы (судьи, хранители традиций, блюстители религии). С доходов здесь взимались десятина и садака, используемые на месте для поддержки нуждающихся, в интересах общины (и, конечно, племенной знати). Были уже здесь богачи, но влияние их еще определялось их благотворительностью.²² Тем невыносимее был для племен циничный произвол Аглабидов, практика „незаконных (некоранических)“ податей, поступление их в казну эмиров, на деле закрытую для нуждающихся в помощи, не подчиненную местной знати.

Понятно, что перед лицом угрозы Аглабидов племена севера Ифрйки должны были особенно чувствительно реагировать на события, сопровождавшие упадок ибадизма. Властители Тәхерта (Рустумиды) формально были имамами всех ибадитов, а между тем они пошли на сделку с Аглабидами, кровными врагами ибадитов севера Ифрйки. И эта сделка прекратила даже ту небольшую поддержку, которую Тәхерт оказывал им ранее, она лишила ибадитов севера надежды на помощь в будущем, а вместе с тем и веры в своих духовных вождей. Племена севера Ифрйки были не единственными недовольными в ибадитской общине. Это доказывается рядом кризисов, которые произошли в общине: от нее откололись халафиты, наффаситы и другие. И совершенно очевидно, что прежде всего ибадиты севера Ифрйки должны были интересоваться этими расколами, искать в них разрешения возникших у них сомнений, искать в них новых путей, нового знамени.

Что касается халафитов, наффаситов и подобных им течений, то они не могли серьезно привлечь кутамитов, потому что носили сугубо локальный характер, были связаны с именами местных авторитетов. Исключение во всех отношениях составили нуккариты. Оппозиция их не была

²⁰ Ибн 'Изәрй, стр. 160, 179—180; франц. перевод, стр. 158, 178.

²¹ Там же, стр. 180; франц. перевод, стр. 178: *فلهذه السنة ثلاثة أسماء سنة العدل وسنة الجور (سماها العامة بذلك) وسنة النجوم*.

²² Dachraoui, p. 197.

связана ни с движением особого племени или района, ни с именем какого-либо учителя их. Нуккариты выдвинули принципиальное положение, расколовшее ибадитскую общину на два толка. Нуккаритский принцип, насколько можно судить по скучным сообщениям, заключался в требовании ограничить власть имама определенными рамками, условиями (شروط). Практически спор по этому поводу с имамом выразился в поползновении верхов раскольников выдвинуть своих ставленников в число правителей. Противники нуккаритов, оставшиеся на стороне имама, стали называться вахбитами.²³

Некоторое объяснение сути раскола дает хроника вахбитов, в которой приводится ряд эпитетов, присвоенных нуккаритам их противниками: заговорщики, смутьяны, раскольники, еретики, нарушители присяги.²⁴ Нуккаритов обвиняли в возрождении лозунга раннего хариджизма о „суде божьем“, т. е. о праве (и обязанности) общины свергать имама, отступившего от закона. С этого, по-видимому, впоследствии началась борьба идеолога нуккаризма Абу Йазйда, вылившаяся в мощное восстание в первой половине X в. Лозунги о праве ограничения власти имама и свержения его несомненно могли найти широкий отклик и среди кутамитов, а особенно у верхов их. Действительно, даже в скудном материале хроник мы находим упоминание о шейхе-нуккарите из племен кутāма, к которому мы еще вернемся.

Раскол на нуккаритов и вахбитов произошел в Тāхерте в начале IX в. Над севером Ифрйкки еще не был занесен меч Аглабидов, и местные племена, возможно, сохраняли верность „своему“ имаму, считались вахбитами. Но во второй половине IX в., ко времени крушения надежд на помощь имама, их позиция должна была измениться. Расширение массовой базы нуккаризма, борьба его против Рустумидов, разваливавшейся династии имамов Тāхерта, способствовали радикализации этого движения. Исследователи отмечают появление нового прозвища нуккаритов — „уравнители“ (مستأوة — мустāва).²⁵ Оно, очевидно, отражало рост эгалитарных стремлений движения, которые в свою очередь стали важной притягательной силой нуккаризма. Действительно, вахбитская хроника с грустью замечает, что вернувшийся в Ифрйккию в начале X в. местный богослов-вахбит „нашел ее изменившейся, обратившейся в нуккаритский толк“.²⁶ Даже имеющиеся отрывочные сведения, как увидим, указывают на то, что процесс „изменения Ифрйкки“ коснулся и кутамитов.

²³ Ибн ас-Сегйр, стр. 16; франц. перевод, стр. 72: افترق الاباضية وافترق كبراؤهم وتسمى قوم منهم بالنكار وتسمى منهم قوم بالوهبية.

²⁴ Абу Закарийā, л. 17а.

²⁵ T. Lewicki. Les Ibadites..., p. 5; R. Strothmann. Berber und Ibaditen. Der Islam, Bd. 17, Berlin, 1928, S. 274.

²⁶ Абу Закарийā, л. 396: فوجدها متغيرة راجعة الى مذهب النكارى.

Тем не менее нуккаризм смог только вспахать почву для активного выступления кутамитов, сенхаджитов, смог лишь оживить в умах масс старые хариджитские лозунги восстания. У нас нет известий о конкретных выступлениях в этих районах после начала IX в., о борьбе под знаменем нуккаризма. Это течение, возникшее в Тэхерте как оппозиционное Рустумидам, сосредоточило основное внимание на догматических спорах об обусловленности власти имама, ограничивалось уравниТЕЛЬскими декларациями. Между тем актуальнейшей задачей на севере Ифрийки стала необходимость объединиться, поднять массы для отпора экспансии Аглабидов, чей гнет, известный здесь ранее лишь понаслышке, превратился в реальную опасность. Враг стоял у ворот земель кутамитов, и бороться с ним можно было не спорами об обусловленности власти, не отвлеченными декларациями о равных правах. Вот в это время, как сообщают источники, в 892 г. 10 кутамитов группы сактан, возглавленных своим шейхом, известным приверженностью к нуккаризму, отправились на Восток в хаджж и вернулись в следующем году в сопровождении шиитского миссионера Абу Абдаллаха.²⁷

К тому времени в Магрибе шииты встречались нередко, пользуясь иногда значительным влиянием: марокканские племена стали опорой местного эмирата Идрисидов, потомков пророка Мухаммеда, почитавшихся у шиитов единственными законными наследниками трона халифата. Сложившийся в Марокко, рядом с владениями Идрисидов, и враждебный им эмират Баргавата придерживался шиитской догмы о махди и божественной роли его;²⁸ последователи шиизма имелись даже в самом Кайруане;²⁹ они выступали в Тэхерте на диспутах, в политических спорах. В 762/3 г., как сообщают, два шиитских проповедника обосновались в Мармаджанне и в горах кутамитов, распространяя свое влияние до Ларибуса (южнее Баджи) и Нафты (Қастилия).³⁰ И все же ни влияние могущественных в свое время Идрисидов, ни пропаганда проповедников, ни другие упомянутые факторы, судя по хроникам, не вызвали особых выступлений под знаменем шиизма.

Очевидно, что еще один шиитский миссионер — Абу Абдаллах — не менял роли шиизма в Магрибе. Решающее значение имели описанные выше события у кутамитов. Об этом свидетельствуют также известные нам обстоятельства приглашения Абу Абдаллаха. Как они ни противо-

²⁷ Ибн 'Из'арй, стр. 166—167; франц. перевод, стр. 164—166; Ибн ал - Асйр, т. VIII, стр. 23—24; D a c h r a o u i, p. 192. Отмеченный здесь факт приверженности кутамитов нуккаризму можно дополнить важным сообщением Левицкого (T. L e w i s k i. Les Ibadites. . . , p. 10) о двух группах кутамитов, оставшихся верными хариджизму даже после победы кутамитов-шиитов и вынужденных эмигрировать на о. Джерба, где нуккаризм был очень распространен (см.: Абу Закарийа, л. 54а).

²⁸ Ал - Бекрй, стр. 64, 135; франц. перевод, стр. 134, 261.

²⁹ Абу ал - 'Араб. Китаб Табақат 'уламā' Ифрийкия. Алжир, 1914, стр. 239; Абу Закарийа, л. 346.

³⁰ Ибн ал - Асйр, т. VIII, стр. 23; D a c h r a o u i, p. 199.

речивы, а порой приукрашены источниками, нам представляется, что по ним можно восстановить примерно картину обстоятельных, еще раньше начатых переговоров между сторонами. Во-первых, видно, что Абū Абдаллах, выдающийся деятель шиизма, прислан был в Мекку из Адена со специальной целью установить контакт с делегацией кутāмитов и отправиться в Магриб. Абū Абдаллах был для этой цели снабжен необходимыми средствами и связан с лицами, которые прямо привели его к делегации сактāнитов. При взаимном прощупывании Абū Абдаллах выяснил их готовность „примкнуть к шиизму“, а последние в свою очередь смогли убедиться в его значении. Затем, уже на пути в Египет, Абū Абдаллах демонстрировал свой аскетический образ жизни, а посланные сообщили ему о боеготовности своих племен, резервах кутāмитов и безопасности района от вмешательства агентов Аглабидов.³¹

В этих переговорах и приглашении Абū Абдаллаха, как нам кажется, можно без натяжки видеть то, что у арабов называется „союз меча и мазхаба“ (عهد بين المذهب والسيف). Подчеркиваемая обычно конспирация Абū Абдаллаха при переговорах не меняет дела, даже если он действительно не раскрыл полностью своих планов. Этот союз становится особенно закономерным в свете рассмотренной конъюнктуры. В противоположность неподготовленности нуккāризма в тот момент к объединению разрозненных сил и подъему масс против Аглабидов шииты были известны как смертельные враги всех „узурпаторов“. С реставрацией власти потомков пророка связывалась надежда масс на торжество идеально понятого раннего ислама, надежда на осуществление чаяний, выраженных в принципе мустāва. Разумеется, хариджитские лозунги о „суде божьем“ диаметрально противоположны шиитским легитимистским представлениям о „божественной“ власти рода ‘Алй. Но покорность последней могла тогда казаться действенным средством хотя бы временного сплочения сил. Причем династия рода ‘Алй, лишенная племенных связей в Магрибе, очевидно, предполагалась заранее вынужденной опираться на местную племенную знать. Следовательно, присутствие последней в Мекке было подготовленной политической миссией, а не хаджем.

Прибывший к кутāмитам Абū Абдаллах стал известен как Дā‘й (الداعي) — местный духовный глава шиитов. Сактāниты, взявшие его под свое покровительство, населяли к северо-востоку от города Сетйф возвышенность Икджāн, где вдали от аглабидских правителей и обосновался Абū Абдаллах.³² Вначале, как отмечают источники, он долго держался в тени. В первые годы роль Абū Абдаллаха была чисто миссионерской; он привлекал приверженцев, особенно среди знати сосед-

³¹ Ибн ал - Асйр, т. VIII, стр. 23—24.

³² Ибн ‘Изāрй, стр. 166—169; франц. перевод, стр. 164—167; Ибн ал - Асйр, т. VIII, стр. 23—24; Dachsraoui, p. 192.

них групп, просвещал юношей, скрывая свои политические планы.³³ Около 10 лет Абū Абдаллах не только обучал кутāмитов, но и изучал их, приспособляясь к их традициям, идеалам. Он широко прибегал к привычным для хариджитов лозунгам „социального равенства“.³⁴

Прочную основу шиизм обрел прежде всего в группе сактāнитов, явившихся инициаторами нового движения. Но затем влияние его распространилось за пределы земель сактāнитов. Здесь оно столкнулось с противодействием знати соседних групп, усмотревших в деятельности шиитов угрозу сложившемуся равновесию их или, как сообщают источники, опасность единству кутāмитов.³⁵ Но к этому времени роль Абū Абдаллаха уже значительно возросла. Приверженцы его из других групп, преследуемые своей знатью, находили приют в Икджāне, где из переселенцев образовался целый город (Дār ал-Хиджра).³⁶ Не связанные родовыми узами, они оказывались под особым влиянием Абū Абдаллаха. Такая же тесная связь осуществлялась между ним и преданными ему учениками школы его — около 400 юношей, молодцов (فتيان), хорошо вооруженных.³⁷ Кроме того, политический вес Абū Абдаллаха определялся как его организаторскими способностями, так и лозунгами равенства, заимствованными у хариджитов, и авторитетом потомков пророка, которых он представлял и всеми силами старался возвысить в глазах последователей.

Поэтому, когда споры между знатью разных групп особенно обострились, находилась сильная инициативная знать, пытавшаяся поднять свой престиж путем предоставления убежища шиитам. Сообщается о двух случаях перемещения их центра, в том числе в Тāсрūt, вызванное распрями верхов, осложненными спором между вождем сактāнитов и Абū Абдаллахом. Вождь новой племенной группы, взявший Абū Абдаллаха под свое покровительство, был из наиболее влиятельных; он поделил с ним функции, оставив себе командование кавалерией.³⁸

По этим и другим данным можно представить примерно следующую картину организации сил, руководимых шиитами накануне открытого выступления их. Было сформировано 7 военных групп (аскар — عسكر), связанных родовой организацией. Их военачальники (мукаддам — مقلدم) подчинялись своему племенному вождю, а параллельно с ними в каждый район назначался местный да'й, находившийся под влиянием главного да'й. Среди шиитов особо выделялись наиболее преданные — авлийā

³³ Абу Закарийā, л. 34а; Ибн ал-Асйр, т. VIII, стр. 25.

³⁴ D a c h r a o u i, pp. 195, 196, 198, 199.

³⁵ Ибн ал-Асйр, т. VIII, стр. 25.

³⁶ D a c h r a o u i, pp. 195, 196, 198.

³⁷ Абу Закарийā, л. 34а; Ибн ал-Асйр, т. VIII, стр. 24—25; D a c h r a o u i, p. 198.

³⁸ Ибн ал-Асйр, т. VIII, стр. 25.

(الولياء). Очевидно, кроме приверженных шиизму представителей знати, к ним причислялось население Дār ал-Хиджры и учащиеся школы Абū Абдаллаха, порвавшие со своими родовыми организациями, отдавшие себя всецело в распоряжение Дā'й.³⁹ Опора на них поднимала вес Абū Абдаллаха, ограждала его и его политику от столкновений соперничающих групп, от случайностей колебаний конъюнктуры.

Предпринятые этими силами набег на земли противника закаляли и окрыляли кутāмитов, снабжали их необходимыми средствами. Эти местные успехи в свою очередь еще шире привлекали народ в лагерь шиитов, силы последних стали расти особенно заметно. Но успехи движения вместе с беспокойством соперничавшей части знати насторожили Аглабидов. Так был осуществлен сговор части кутāмитов с правителем Милы, ближайшего к Тāсрūту укрепления, контролируемого Аглабидами. Затем последовала атака гарнизона Милы против шиитов. Сначала она не только не имела успеха, но завершилась отступлением гарнизона и временным занятием Милы кутāмитами. Однако серьезно встревоженные Аглабиды снарядили крупное войско под командованием брата эмира, которое отняло у повстанцев Милу, оттеснило их в горы и разорило базу повстанцев Тāсрūt.⁴⁰

В это время распад эмирата Аглабидов достиг высшей кризисной точки, и начавшиеся для них так удачно мероприятия против кутāмитов уже не могли их спасти. В 902 г. эмир Аглабидов Абū ал-Аббās, стремясь к упрочению личной власти, почел себя вынужденным арестовать своего сына и наследника Зийадаллаха. Вместе с тем заключенный был лишен своего состояния, очевидно для того, чтобы помешать ему подкупить заговорщиков. Тем не менее через год приверженцы Зийадаллаха убили отца и возвели на трон сына. И тогда наступила очередь последнего избавиться от угрозы переворота. Вначале он казнил всех братьев своего отца и своих собственных. В числе первых был упомянутый дядя нового эмира, командовавший силами Аглабидов против кутāмитов. От имени убитого брата ему был послан срочный вызов, а когда, ничего не подозревая, он явился к эмиру, то был казнен.⁴¹

Дезорганизовав таким путем свою армию, Зийадаллах сам возглавил ее. Ему удалось набрать много людей, из которых чуть ли не половину составляли кутāмиты, несогласные с шиитами. На экипировку армии, снабжение ее были затрачены значительные суммы. Но поборы и повинности стали вместе с этим еще обременительней и вызывали возмущение, особенно в соседних с центром восстания пунктах, на которые падало основное бремя и главные удары войны. Доведенные до отчаяния племена и группы их присоединялись к шиитам. Пожар восстания

³⁹ Dachsraoui, pp. 198, 199.

⁴⁰ Ибн ал-Асйр, т. VIII, стр. 26.

⁴¹ Ибн Изāрй, стр. 180--183; франц. перевод, стр. 178—181.

охватил с начала 903/4 г. многие области. Через два года бои разгорелись за Тобну, Билизму и другие города и крепости. Повстанцам досталась огромная добыча.⁴² Здесь Зийадаллах, проявивший свои способности только в дворцовых интригах, пирах и оргиях, был мало пригоден, его легко уговорили оставить армию, отправиться в свой дворец в Раққāду.⁴³

В наступивший заключительный этап восстания кутāмитов шиитское руководство движения вынуждено было на практике доказывать свою верность идеям, вдохновлявшим массы повстанцев и обеспечивавшим успех движению. Раньше, в период организации восстания, достаточно было декларировать принципы равенства и справедливости, которые поднимали массы на борьбу и под знаменем хариджизма, и под знаменем шиизма. Но разгоревшееся восстание шиитов требовало более убедительных доказательств верности руководства „раннему исламу“. Поэтому, когда кутāмиты в 905/6 г. заняли близкий к ним крупный земледельческий центр и крепость Тобну, Абū Абдаллах почел необходимым продемонстрировать восстановление раннеисламской налоговой политики. Он стал публично порицать агентов Аглабидов занятого города за взыскание десятины наличными, запретил взимать с мусульман харадж. Доверенным лицам он дал поручение вернуть налогоплательщикам незаконно взысканные с них деньги и заявил им: „Известите людей, что все доставленное им Аллахом из их земли будет в безопасности“.⁴⁴ Хроника далее отмечает огромный эффект этой политики: районы Ифрикки стали добиваться сговора с Абū Абдаллахом и „покорялись ему“.⁴⁵

После овладения кутāмитами Тобной борьба велась уже на подступах к Кайруану — за Багайю, Ларибус, Қастилию. Как ранее Тобна, эти города и районы переходили из рук в руки, и в сражениях за них полегло много воинов.⁴⁶ Эти бои продолжались около трех лет, а в 909 г. кутāмиты взяли последний опорный пункт Аглабидов — Кайруан. Собрав богатство, но оставив противнику свой обширный гарем, Зийадаллах тайком покинул резиденцию (Раққāду) и бежал на восток.⁴⁷ Так бесславно пало под ударами восставших племен столетнее владычество Аглабидов в Ифриккии.

Шиитским претендентом на трон был Убейдаллах абū Мухаммед, потомок дочери пророка Фатимы, считавшийся скрытым махдī (مهدي), т. е. мессией, пришествие коего избавит верующих от гнета. Его не

⁴² Там же, стр. 187—191; франц. перевод, стр. 185—191.

⁴³ Ибн ал-Асйр, т. VIII, стр. 30—32.

⁴⁴ Ибн 'Изāрй, стр. 191; франц. перевод, стр. 191—192: واعلموا الناس انهم

امناء على ما يخرج الله لهم من ارضهم

⁴⁵ Там же, стр. 192; франц. перевод, стр. 192: ودخلوا في طاعته

⁴⁶ Там же, стр. 189—190, 192, 194, 197, 199; франц. перевод, стр. 189—198.

⁴⁷ Ибн ал-Асйр, т. VIII, стр. 15—16.

было с победившей армией кутамитов. После первых успехов движения он прибыл в Магриб, но вынужден был искать убежище от преследований Аглабидов и бежал на запад в Сиджилмāсу, центр одноименного хариджитского эмирата. Почему-то он предпочел эту самую дальнюю окраину Магриба укрытию в стане повстанцев, под их защитой. Одни связывают выбор убежища с полагающейся тайной личности махдī до пришествия, до явления своим приверженцам. Другие видят причину в тактическом маневре с целью отвести подозрения от брата Абу Абдаллаха (последний прибыл вместе с Убейдаллахом и был послан им в разведку в Кайруан, где его арестовали). Правитель Сиджилмāсы, информированный Зийадаллахом, заключил Убейдаллаха в темницу.⁴⁸ Таким образом он не смог сразу же после бегства Зийадаллаха занять освободившийся трон.

Вопрос о причинах победы шиизма связывается многими с личностью Убейдаллаха. Хроника вахбитов, вероятно, по этой причине представляет дело в ином свете: Убейдаллах прибыл в Қастїлию (Магриб) до начала движения, чудесным образом был осведомлен о предрешенном успехе его у кутамитов и послал к ним „своего раба ал-Джиджāнī“; прибыв в Сиджилмāсу, Убейдаллах стал там правителем.⁴⁹ В действительности же потребовалась экспедиция шиитов для освобождения махдī из темницы. Оставив в Кайруане своего брата, Абу Абдаллах во главе отряда кутамитов в 909 г. отправился в Сиджилмāсу.⁵⁰ Многое в истории этого похода еще не выяснено: ни численность сил экспедиции, ни путь следования и т. п. Но нам важно отметить лишь некоторые черты экспедиции.

Во-первых, весьма показательно „попутное“ свержение силами экспедиции власти имамов хариджитов-вахбитов династии Рустумидов в Тāхерте. Узнав о приближении кутамитов во главе с Абу Абдаллахом, к ним обратилась за помощью дочь незадолго перед тем свергнутого и убитого имама Тāхерта. Когда шииты приблизились к городу, им навстречу вышли жители Тāхерта, не принадлежавшие к вахбитам: мāликиты (сунниты), местные шииты, ваґилиты (местные му'тазилиты),

⁴⁸ Там же, стр. 30; *Dachraoui*, p. 203, прим. 2.

⁴⁹ Абу Закарийā, лл. 336—34а. Хроника называет Абу Абдаллаха именем (в списке Б — ал-Хиджāнī), не встречающимся в других источниках. Может быть, она сочла необходимым приукрасить роль Убейдаллаха и вычеркнуть из памяти казненного им впоследствии Абу Абдаллаха. Это возможно, ибо с потомками махдī вахбиты потом вступили в союз против нуккаритов и му'тазилитов (там же, л. 456 и сл.). Но в этом случае вахбиты перестарались: хроника шиитов не подтверждает версии Абу Закарийи (*Dachraoui*, стр. 203, прим. 2).

⁵⁰ Наряду с Ибн ал-Аґйром и другими ал-Бекрī (стр. 150; франц. перевод, стр. 287—288) приводит рассказ об атаке Сиджилмāсы Абу Абдаллахом и даже не упоминает Убейдаллаха. Причем местный эмир ал-Йаса', тот самый, который со слов Абу Закарийи был замещен Убейдаллахом, правил тогда в Сиджилмāсе и вынужден был бежать от Абу Абдаллаха.

софриты (хариджиты), жаловавшиеся на режим Рустумидов; они обещали кутамитам содействие против властей города, против династии. В итоге Абӯ Абдаллах без боя, даже без осады взял Тәхерт, ликвидировал здесь имамат вахбитов, уничтожил местные хариджитские письменные памятники, отобрав для себя те, которые могли пригодиться для администрации.⁵¹ Капитуляция Тәхерта, содействие населения противнику — существенный штрих, характеризующий полный крах ибадизма-вахбизма, глубокое разочарование в нем широких масс, отсутствие какой-либо серьезной базы у вахбитов. Очевидно, в этом надо видеть одну из важных причин временного успеха шиитской пропаганды в Магрибе.

Подобно Тәхерту Сиджилмәса тоже капитулировала перед кутамитами, не сопротивляясь; правитель края бежал. Между тем трудно себе представить, что сюда могла прибыть значительная армия. Чтобы достичь этого города, расположенного на пороге Сахары, требовалось пересечь два безводных района. Нам представляется, что маршрут экспедиции должен был пролегать на запад из Кайруана до Тәхерта и Ужды, затем на юг — через степи плоскогорий и пустынную равнину Тамлелт и далее опять на запад — до Сиджилмәсы. Бегство правителя Сиджилмәсы также свидетельствует о глубоком упадке хариджизма, объясняющем временный успех шиитской пропаганды в Магрибе.

Нелишне отметить для оценки роли Убейдаллаха в движении и следующий факт, опровергающий представление о слепой покорности повстанцев потомку рода Алй. На торжестве встречи с Убейдаллахом в Сиджилмәсе Абӯ Абдаллах для поднятия авторитета претендента „слез с лошади и поцеловал его в руку и колено; кутамиты запротестовали против этого“.⁵² Последние не без основания усмотрели оскорбление своего достоинства в том, что Абӯ Абдаллах, которого они признали своим представителем, унижается перед тем, кто совсем не причастен к их победе. Этот факт особенно показателен, нам кажется, для суждения о том, насколько относительно было примирение бывших хариджитов с шиитским принципом безоговорочного повиновения своему имаму, насколько наряду с этим высшим принципом шиизма кутамитам вообще была чужда догматика этого толка.

По свидетельству Ибн ал-Асйра, экспедиция вернулась из Сиджилмәсы в Раққәду, последнюю резиденцию Аглабидов, в январе 910 г.⁵³ Здесь и обосновался Убейдаллах, официально принявший титул Махдй; так был заложен Фатимидский халифат, сыгравший большую роль в истории арабов. Вместе с тем кончился период восстания шиитов. Декларации о воздержании, равенстве, справедливых податях, возврате

⁵¹ Абӯ Закарийя, л. 346.

⁵² Там же: نزل عن دابته وقبل يده وركبته فتحاتم لذلك كرامة

⁵³ Ибн ал-Асйр, т. VIII, стр. 38; Ал-Бекрй (стр. 150) датирует пребывание Абӯ Абдаллаха в Сиджилмәсе сентябрем 910 г.

к раннему исламу, занимавшие такое важное место в проповеднической и боевой деятельности шиитов до победы, уступили его открытому феодальному господству.

Когда Абū Абдаллах взял Кайруан, то дал жителям его гарантию жизни и их имущества. Но прибывший Убейдаллах подтвердил лишь гарантию жизни и уклонился от гарантии имущества, хотя к нему неоднократно обращались за этим.⁵⁴ Очевидно, речь шла в основном об обширных земельных владениях, на которые зарились новые феодальные сеньоры. Такое предположение подтверждается следующим сообщением того же времени: „Абū Абдаллах произвел для него (Убейдаллаха) смотр гарему Зийадаллаха; тот выбрал из него много девушек для себя, а также и для своего сына, а оставшихся роздал представителям знати кутāма. Он также разделил между ними области Ифрйкки (податные поступления с них? — М. Ч.)“.⁵⁵

В противоположность Убейдаллаху Абū Абдаллах, как мы видели, сыграл немаловажную роль в шиитском восстании. Несомненно, что не влияние представленного им толка имело значение в росте его авторитета, а настойчивое афиширование лозунгов равенства, воздержания. Это безусловно свидетельствует о его способности понять чаяния масс, а может быть, и об известной приверженности указанным лозунгам. Оценивая роль Абū Абдаллаха, мы приходим к выводу, что она определялась не догматикой шиизма, которую персонифицировал махдй, а лозунгами, унаследованными от хариджитов, от нуккāритов. Именно это обстоятельство, по-видимому, делало Абū Абдаллаха опасным в глазах новой династии. И с целью упрочения своего трона Убейдаллах в 911 г. казнил Абū Абдаллаха.

Сообщают, что в связи с этой казнью вспыхнуло восстание кутāмитов.⁵⁶ Подавив его, Убейдаллах счел необходимым заблаговременно оформить своего сына Абū ал-Кāсема наследником, преемником на троне. Тогда часть кутāма вернулась в свои горы, выдвинула из своей среды другого махдй, стала распространять версию о том, что Абū Абдаллах не умер.⁵⁷ Вскоре она вступила в открытую борьбу против новой династии, предприняла поход против Мйлы. Но у Фатимидов уже накопились более убедительные аргументы, чем дискредитированное явление махдй и чудесное спасение казненного Абū Абдаллаха. У них были власть и богатые ресурсы, право казнить противников, разорять их и награждать приверженцев, у них была сложившаяся

⁵⁴ Ибн 'Изāрй, стр. 219; франц. перевод, стр. 218.

⁵⁵ Ибн ал-Асйр, т. VIII, стр. 38: وَعَضَّ عَلَيْهِ أَبُو عَبْدِ اللَّهِ جَوَارِي زِيَادَةَ اللَّهِ فَأَخْتَارَ مِنْهُنَّ كَثِيرًا لِنَفْسِهِ وَلَوْلَدِهِ أَيْضًا وَفَرَّقَ مَا بَقِيَ عَلَى وَجْهِهِ كِنَامَةً وَقَسَمَ عَلَيْهِمْ أَعْمَالَ أَفْرِيْقِيَّةٍ.

⁵⁶ Там же, стр. 40—41; Ибн 'Изāрй, стр. 227—228, 231; франц. перевод, стр. 231—233.

⁵⁷ Ибн ал-Асйр, т. VIII, стр. 41.

в борьбе армия и военачальники; против восставших было снаряжено сильное войско. А чтобы одновременно укрепить „страх божий“ перед объявленным наследником Махдй, Абу ал-Касемом, его же и поставили во главе экспедиции. Восстание было разгромлено.⁵⁸ Много было других восстаний, на которых нам нет необходимости здесь останавливаться. Все они убедительно показали Фаṭимидам, что Магриб опасен для династии.

Очевидно, в этом убеждении Фаṭимидов решающую роль сыграли вновь разгоревшиеся хариджитские восстания против них. Антиаглабидское движение шиитов, как мы видели, вначале сковало силы хариджитов, ослабленные разочарованием в сложившихся имаматах их. Но резкий разрыв Фаṭимидов с декларациями социального равенства развязал оставшиеся силы хариджизма. Вначале это были выступления отдельных племен и районов. В 911 г. восстали племена хаввара и зената Триполитании, многократно выступавшие здесь застрельщиками хариджитского движения. В первый раз они разбили высланное против них войско Фаṭимидов. Но в 913 г. последние собрали большие силы, с суши и моря осадили Триполи, где начался голод, и рядом штурмов одолели его. Победители обложили население тяжелой контрибуцией в 300 тысяч динаров, взяли заложников.⁵⁹

Через 10 лет, в 922/3 г., в движении хариджизма выделяется восстание племен Джебел Аураса. К ним явился полководец Фаṭимидов, требовавший выплаты незаконных податей мугарем (مغارم) и переселения семей их во вновь построенную Убейдаллахом столицу, порт Махдию.⁶⁰ Ночью население напало на отряд и уничтожило его вместе с полководцем. В том же году восстал старый очаг ибадизма — Джебел Нафуса; население обратило первый посланный против них отряд в бегство. В следующем году их оторванное от других очагов движение было разгромлено свежими силами Фаṭимидов.⁶¹ Однако самые радикальные элементы хариджизма (нуккариты) еще только собирались с силами, хотя именно в это время вахбитская рукопись констатировала полное преобладание нуккаризма над другими хариджитскими течениями.⁶²

В эти годы будущий вождь нуккаритов Абу Йазид выступает еще в качестве мирного проповедника, учителя. Под его руководством через 10 лет разгорится пожар, до основания потрясший трон Фаṭимидов. Мы не останавливаемся на отдельных стадиях возглавленного им движения. Нам важно лишь показать, что оно было продолжением и заключением движения хариджитов, начавшегося в Магрибе в начале VIII в.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, стр. 50; Ибн 'Из'арй, стр. 232—233; франц. перевод, стр. 234—236.

⁶⁰ Ибн 'Из'арй, стр. 263; франц. перевод, стр. 266: *كلف اهله فوق وسعيهم وامرهم برفع عيالهم الى المدينة...*

⁶¹ Там же, стр. 263, 265; франц. перевод, стр. 266—268.

⁶² Абу Закарийа, лл. 39а—39б.

и в котором шиитское восстание было лишь эпизодом, хотя чрезвычайно важным. Уже в 922/3 г. Абу Йазид был арестован по обвинению в „признании законности восстания“, ⁶³ но его вскоре освободили. Очевидно, выступление Абу Йазидом было расценено как повторение догмы хариджизма о „суде божьем“, номинально признававшейся даже ваххитами. ⁶⁴ Но последующие события показали, что пропаганда Абу Йазидом была не повторением выхолощенной догмы, а призывом к действительному претворению в жизнь лозунга раннего хариджизма о „суде божьем“, об обязанности общины восстать против „неправедного“ властителя. Вот почему сразу после освобождения Абу Йазид был вынужден искать убежища в Джебел Аурәсе.

Горцы нуккәриты признали Абу Йазидом своим вождем, имам их передал ему свои функции. ⁶⁵ Вопреки формальному сплочению под нуккәритским знаменем повстанцы, как и раньше, мало интересовались своим мазхабом, догматикой. Этим можно объяснить такие характеристики их, как неверные, лицемеры, ибадиты или „нуккәриты из хариджитов, т. е. софриты“. ⁶⁶ Их объединяла вражда к новой династии, оказавшейся не лучше старой, притом жестоко обманувшей их надежды. Отсюда восстановление значения лозунга о „суде божьем“, заострение борьбы против произвола власти. В противоположность принципу шиитов о слепой покорности трону Махдї и в развитие положения нуккәритов об ограничении власти прежний имам горцев нуккәритов договорился со своими приверженцами и Абу Йазидом: „Он принял от них присягу ему . . . А когда овладеют Махдией и Кайруаном, то власть перейдет к советнику (общины)“. ⁶⁷

Своего апогея восстание нуккәритов достигло в 946 г., когда, овладев Кайруаном и другими основными центрами Ифрїкии, повстанцы осадили фатимидского халифа в его резиденции, в порту Махдии. Династию спасла тогда помощь сенхәджитов запада Ифрїкии, не участвовавших в восстании шиитов, возглавленных Зйрї ибн Менәдом. ⁶⁸ Вслед за тем еще раз восстали ибадиты Джебел Нафусы и Джарїда. С ними Фатимиды легко справились, даже привлекли верхушку их для совместной борьбы против нуккәритов. Тем не менее Фатимиды не чувствовали себя надежно в Магрибе. Из Кайруана, открывшего путь в Магриб, они перенесли свою столицу (которую начали строить в 913 г.)

⁶³ Ибн Халдун, т. II, стр. 17; франц. перевод, т. III, стр. 202: *وتمى عنه اعتقاد الخروج على السلطان*

⁶⁴ Ибн ас-Сегїр, стр. 62; франц. перевод, стр. 130, 131.

⁶⁵ По другой версии, Абу Йазид до Аурәса скрывался в оазисе Сахары.

⁶⁶ Ибн Халдун, т. II, стр. 18; франц. перевод, т. III, стр. 205: *المنكارية من الخوارج وهم الصغرية*

⁶⁷ Там же; франц. перевод, т. III, стр. 204—205: *واخذ له البيعة عليهم . . . وعلى انهم ان ظفروا بالمهدية والقبروان صار الامر شورى*

⁶⁸ Там же, т. I, стр. 196—197; франц. перевод, т. II, стр. 5.

в Махдию на Средиземном море; после гибельных для их войска четырех походов в Египет, начатых еще в 914 г., они в 969 г. перенесли свою столицу в Каир.⁶⁹

Арабские историки издавна пытались разобраться в причинах бесилия Аглабидов и удивительной победы династии Фатимидов. Косвенно этот вопрос уже ставился выдающимся арабским историком средневековья Ибн Халдун. Он даже приводит версию ответа, впрочем, тут же взятую им под сомнение: „Али ибн Абү Талиб⁷⁰ был покровителем сехаджа... Однако ни причина этого покровительства, ни вызвавшие его обстоятельства неизвестны“.⁷¹ К высказанному Ибн Халдуном сомнению можно добавить и другие: потомки Зейр, основав свою династию, использовали столкновения суннитов с шиитами и под шумок покончили навсегда с шиизмом в Магрибе, а вместе с ним с покорностью роду 'Али;⁷² Фатимиды, видимо, и сами не очень полагались на сехаджа и отчасти поэтому перенесли свой центр за пределы Магриба.

Дашрауи удовлетворяется объяснением успехов шиизма в Магрибе деятельностью упомянутых нами двух миссионеров. Хотя, по его данным, они прибыли в Магриб почти за полтора века до Абү Абдаллаха, тем не менее об итогах их деятельности нет никаких материалов.⁷³ Он, правда, ссылается на двух шиитов, присоединившихся к Абү Абдаллаху сразу же по прибытии его в Магриб, но их исба свидетельствует о том, что они не сехаджиты, не кутамиты.

Шире и правильнее ставит вопрос наш современник, известный египетский историк, в монографии, посвященной Фатимидам. В оценке причин успешного распространения шиизма и победы восстания под его знаменем он исходит не из особой догматики шиизма, а из материальной основы движения. Он видит суть его в гнете правителей халифата, в неравенстве между племенами и завоевателями, одинаково объясняющих как причину хариджитского, так и шиитского движения.⁷⁴ А тем самым он признает преемственность движения и лозунгов. Но он, к сожалению, не касается даже самых основных конкретных фактов хариджитского движения до и после шиитского восстания, поэтому тоже видит начало борьбы в предшествующей деятельности тех же двух шиитских миссионеров.⁷⁵

⁶⁹ Ибн Наммад. Histoire d'Obeid Allah. Journal Asiatique, t. V, 1855, p. 538.

⁷⁰ Т. е. предок династии Фатимидов.

⁷¹ Ибн Халдун, т. I, стр. 195; франц. перевод, т. II, стр. 4: *ولمنها جنة ولاية ولا اصلها لعلى بن ابي طالب... الا ان لا نعرف سبب هذه الولاية ولا اصلها*.

⁷² Там же, стр. 17; франц. перевод, стр. 30.

⁷³ Dachsnoy, p. 193, прим. 6.

⁷⁴ Хасан Ибраһим Хасан. Та'рих ад-даулат-ал-фатимийа. Каир, 1958, стр. 45.

⁷⁵ Там же, стр. 46. Автор еще особо останавливается на разложении, царившем в лагере Аглабидов при Зийадаллахе (стр. 50). Хасан касается хариджитов Магриба в другом труде: Та'рих ал-ислам, т. II. Каир, 1953, стр. 180—181.

Признание преемственности борьбы разъясняет и вопрос о движущей силе ее. Как бы высоко мы ни ценили инициативу шейха сактанитов в шиитском движении, организаторскую и пропагандистскую роль Абū Абдаллаха, подлинными героями движения, продолжавшегося под разными знаменами, но за одинаковые цели, были не те или иные временные знаменосцы, а массы, неизменно составлявшие основную силу всей борьбы.

M. Czourov

LE MOUVEMENT KHARIDJITE ET L'INSURRECTION CHIITE DANS LE MAGRIB

La vallée de Medjerda fut depuis longtemps une arène de luttes des tribus senhadja, kutama contre les envahisseurs; dès le développement du kharidjisme, leur résistance se deploya sous ce dernier etendard.

A la fin du IX siècle le centre principal des kharidjites-ibadites à Tahert fut éprouvé par une crise incurable, qui affaiblit gravement les positions des kutamites en lutte contre l'expansion des Aglabides. Alors kutamites eurent recours à un accord avec l'organisation secrète des chiïtes d'Arabie, adversaires résolus des tous les „usurpateurs“. Les chiïtes attirèrent les masses kutamites en conservant et en affichant les mots d'ordre égalitaires des kharidjites-nukkarites (mustava).

Sur la base de la victoire des kutamites fut fondé la dynastie des chiïtes-Fatimides, mais quand même l'insurrection ne fut qu'un episode du mouvement des masses attirées par les mots d'ordre kharidjites.
